30-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Великий русский писатель

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

В. ЖДАНОВ

«Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

Горький.

В своих воспоминаниях о Ленине Алексей Максимович Горький рассказывал:

«Как-то пришел к нему и ему: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты...

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И,—знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный. Я нередко подмечал в нем черту гордости русским искусством».

Ленин посвятил Толстому семь специальных статей. В этих статьях со всей силой вскрыто мировое значение великого русского писателя, об'яснены противоречия и закономерности его творчества.

Толстой выступил как писатель в 50-х годах прошлого столетия. Литературная деятельность его продолжалась почти шестьдесят лет. Длинный ряд произведений, созданных Толстым за этот огромный промежуток времени и вошедших в золотой фонд классической литературы, служит для нас неисчерпаемым источником познания прошлого. В произведениях Толстого нашли отражение все стороны жизни старой России: нравы патриархальной деревни, крушение крепостнического уклада, политические события, быт высших классов общества. Он «знал превосходно,—писал Ленин,—деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы» (Ленин. Т. XIV, стр. 405).

* * *

Путь Толстого отмечен страстными поисками правды жизни. Уже Николенька Иртеньев—маленький герой «Детства» и «Отрочества»—приходит к сознанию социальной несправедливости, к анализу окружающего мира. В дальнейших произведениях Толстого мотив неудовлетворенности жизнью звучит все более отчетливо.

Вместе со своими героями, вместе с Олениным из «Казаков», Пьером из «Войны и мира», Нехлюдовым из «Утра помещика» и «Воскресения», Левиным из «Анны Карениной» Толстой продолжает свои напряженные искания. Прекрасно говорит об этом Горький:

«60 лет ходил по России князь Нехлюдов, заглядывая всюду: в деревню и сельскую школу, в Вяземскую лавру и за границу, в тюрьмы, этапы, в кабинеты министров, в канцелярии губернаторов, в избы, на постоялые дворы и в гостиные аристократических дам».

Но «правда» нигде не находилась. Ее не было ни в «опрощении», ни в религии, ни в занятиях хозяйством. Заглядывая вместе с Нехлюдовым во все уголки России, писатель понял, что правды и не может быть в мире, где царят произвол и угнетение. Поэтому Толстой пришел к мысли о внутренней несостоятельности помещичьего строя и обрушился со страстной критикой на все его порождения в экономической и социальной области.

В этой разрушительной критике, отражающей рост народного недовольства, Ленин видел значение Толстого, как «зеркала русской революции». В статье, написанной через несколько дней после смерти писателя, Ленин дал глубочайшую характеристику связи творчества Толстого с общественным движением его времени. Толстой, по словам Ленина, «не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов,—он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях—и как художник, и как мыслитель и проповедник—черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость» (Ленин. Т. XIV, стр. 400).

Сила Толстого заключалась в его ненависти к «хозяевам современной жизни», в его великом мастерстве художника-реалиста, создавшего исторически правдивые картины русской жизни. Слабость Толстого была в проповеди «непротивления злу».

Ленин показал, что противоречия во взглядах Толстого являлись отражением «тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху» (там же, стр. 402).

Ленин писал, что века крепостного рабства и угнетения накопили в крестьянстве «горы ненависти, злобы и отчаянной решимости». Крестьянство рвалось к «новым формам общежития». Творчество Толстого явилось зеркалом этого стихийного протеста, сложившегося «у миллионов русского крестьянства со времени наступления буржуазной революции в России» (Ленин. Т. XII, стр. 333). Толстой вместе с этими миллионами ненавидел помещиков и чиновников, сидевших на шее народа. Он смело выступал против реакционных мероприятий правительства, разоблачал ложь и лицемерие, которые пропитывали всю жизнь господствующих классов царской России.

Но в своей критике буржуазно-помещичьего режима Толстой разделял и незрелость крестьянского протеста, который еще не возвысился до сознательной, последовательной, непримиримой борьбы с этим режимом. Толстой не знал, где лежат настоящие пути к перестройке мира, не знал, где искать ответа на мучившие его вопросы. Отражая слабость крестьянского движения, еще не руководимого рабочим классом, Толстой проповедывал отказ от насильственных способов борьбы, от сопротивления злу, призывал к нравственному самоусовершенствованию. В этом была чуждая нам и вредная черта толстовского учения, давно отброшенная и осужденная историей.

* * *

Тема народа—одна из самых важных в творчестве Толстого. Впервые эта тема была поставлена во весь рост в «Севастопольских рассказах», написанных под впечатлением Крымской войны (1854—1856 годы), участником которой был сам Толстой, тогда молодой офицер и начинающий писатель. Война показана в этих замечательных рассказах со своей будничной стороны, без парадов и музыки, без знамен и гарцующих генералов. Мужественные защитники Севастополя, солдаты и матросы, являются перед нами настоящими патриотами, беззаветно преданными родине.

Тема народной войны была положена Толстым в основу его величайшего произведения—исторического романа «Война и мир». В грандиозных картинах здесь воссоздана жизнь России времен наполеоновского нашествия. Перед читателем проходит огромное число действующих лиц, бесконечная вереница образов: цари, полководцы, офицеры, солдаты, крестьяне, партизаны, помещики, масоны, горожане... По мнению Ромэн Роллана, «эта портретная галлерея не имеет себе равной во всей европейской литературе».

Историческое значение романа заключается в его патриотическом пафосе. Художник показал мощный под'ем национального самосознания, показал величие народа, восставшего против иноземных захватчиков и грудью отстоявшего независимость родины. «Дубина народной войны,—читаем мы в «Войне и мире», — поднималась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая чьих вкусов и правил, ...поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

* * *

В «Анне Карениной», следующем большом произведении Толстого, написанном в середине 70-х годов, нашла наиболее яркое выражение эпоха становления капитализма в России. Недаром именно на «Анну Каренину» ссылается Ленин, характеризуя эту переходную эпоху словами одного из героев романа, который говорит, что теперь все «перевороталось и только укладывается». По мнению Ленина, «трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов» (Ленин. Т. XV, стр. 100).

Роман Толстого дает замечательную верную картину обострения социальных противоречий в пореформенной России, рисует вырождение дворянства, распад семьи, крушение помещичьего хозяйства—типичные явления переходной эпохи.

* * *

Идейный кризис Толстого назревал давно, чуть ли не с первых его произведений. Но к началу 80-х годов писатель бесповоротно пришел к осуждению высших классов, к отрицанию помещичьего землевладения. Толстой ощутил себя врагом самодержавного строя.

Толстовская критика российской действительности с особенной силой выражена в романе «Воскресенье». Яркими красками нарисованы здесь страдания народа. Рассказывая о судьбе женщины из народа, ставшей жертвой уродливого социального строя, великий художник вскрывает язвы тогдашней государственности. Он разоблачает комедию царского суда с его произволом; высмеивает церковь и религию с ее ханжескими обрядами и показным человеколюбием.

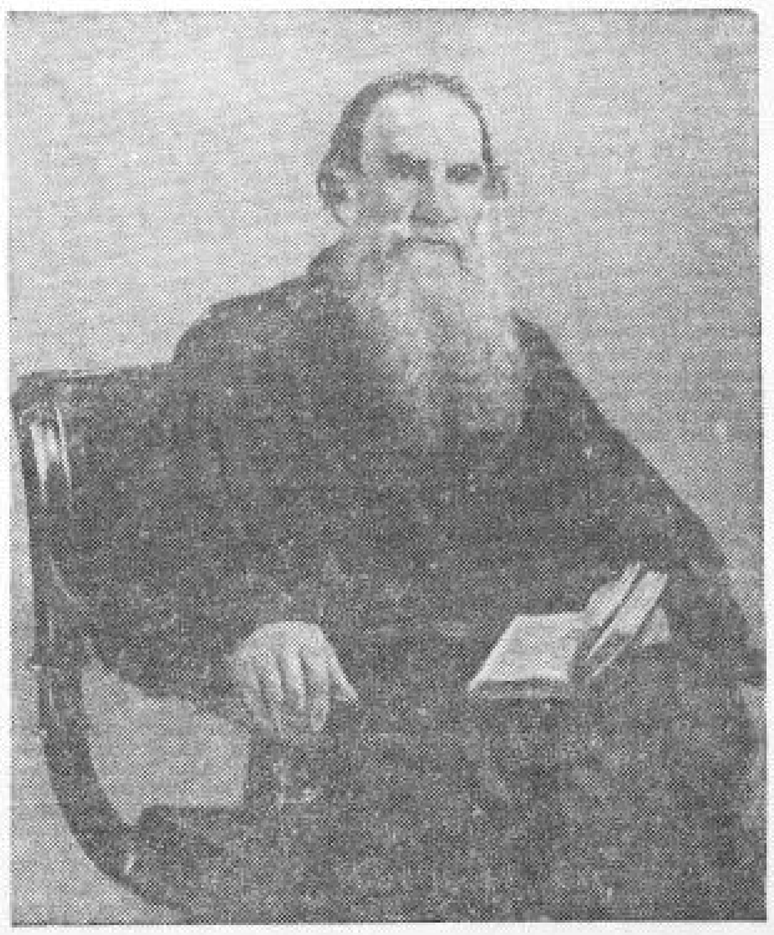
В своей разрушительной критике Толстой, по ленинскому определению, стоял на точке зрения патриархального крестьянина; в произведениях Толстого звучал гневный голос порабощенного народа. Но вместе со страстностью, искренностью и бесстрашием писатель перенес в свою критику и недостатки крестьянского движения. Эти слабые стороны взглядов Толстого отчетливо сказались в «Воскресении» и других произведениях позднего периода («Власть тьмы», «Крейцерова соната» и др.). Но сила Толстого-художника была столь велика, что перед яркостью реалистических описаний отступали далеко на задний план его моально-философские выводы и поучения.

Горький утверждал, что все толстовские «художественные» произведения, написанные со страшной, почти чудесной силой,—все его романы и повести —в корне отрицают его религиозную философию».

Творческая энергия Толстого была неиссякаема. Талант художника не тускнел и не ослабевал с годами. В конце жизни, когда Толстой сосредоточился на философских вопросах и пытался отвернуться от искусства, от «художественного», он упрекал от самого себя писал повесть «Хаджи Мурат», в которой нет ничего от «толстовства». Увлеченный образом Хаджи Мурата, Толстой создал одно из лучших своих произведений, полное свежих и ярких красок, молодого восприятия жизни. В повести смело обличаются захватническая политика самодержавия, жестокое порабощение «народцев», ничтожество царя Николая I. Все симпатии писателя на стороне мужественного вождя кавказских горцев.

Огромное творческое наследие Толстого поражает своим богатством и разнообразием. Толстой—это золотые страницы русского искусства. Грандиозные картины исторических событий, живопись природы, мастерство психологического анализа, лирика человеческой души—все это дал Толстой русской литературе так щедро, как ни один другой писатель.

ВЫСОКИЕ ОБРАЗЦЫ НАРОДНОГО ПАТРИОТИЗМА



Л. Н. Толстой. Работа художника И. Е. Репина (1887 г.). Репродукция Г. Шероткова (Фото ТАСС).

Одной из основных тем художественного творчества Толстого была тема народной войны и защиты родины. Великий русский художник, безгранично любивший свою родину, писатель с замечательным чутьем исторической правды, Толстой дал в своих художественных произведениях изумительные картины героической борьбы народа против иноземных нашествий.

Можно без преувеличения сказать, что произведениями на темы народной войны был начат, продолжен и завершен писательский путь Толстого. Таковы кавказские и севастопольские рассказы, написанные им на заре своей литературной деятельности. Такова гениальная по своей глубине и мастерству народная эпопея «Война и мир», созданная в годы расцвета художественного гения Толстого. Такова, наконец, повесть «Хаджи-Мурат» — крупнейшее произведение последнего этапа творческого пути художника.

Впервые Толстой столкнулся вплотную с проблемой войны в начале 50-х годов прошлого столетия на Кавказе, куда он приехал для поступления на военную службу. Война русского царизма против народов Кавказа была одной из многих захватнических, несправедливых войн военно-феодальной клики России. Молодой Толстой в отличие от большинства окружавших его офицеров не только не поддался шовинистическому угару, но глубоко и решительно осудил эту войну. Его кавказские рассказы «Набег», «Рубка леса» и др. содержат страстный протест против преступного истребления людей, единственная вина которых заключается в их стремлении к свободе и независимости.

Кавказские рассказы Толстого характерны своим гуманистическим настроением. Они не только далеки от официально культивировавшейся ненависти к «неверным», но, наоборот, полны горячего сочувствия к горцам, защищающим свою свободу.

Оборона Севастополя от об'единенных сил иностранных интервентов—одна из самых героических страниц истории России. Одиннадцать месяцев держался севастопольский гарнизон, осажденный с трех сторон англо-французской армией, значительно превосходившей его по численности и боевому снаряжению. Безмерное и продажное командование тяготилось народным патриотизмом и искало повод, чтобы сдать Севастополь врагу. И только простой народ в шинелях, русские солдаты и матросы, ценою огромных лишений и нечеловеческого труда, превратили Севастополь в неприступную крепость. Вместе с ними героически защищала Севастополь и лучшая, патриотическая часть офицерства, далекая от царского двора.

Написанные Толстым под огнем неприятельских батарей «Севастопольские рассказы» являются гимном героизму и храбрости русского народа. Они полны национальной гордости за великую моральную силу, которую проявил русский народ в борьбе за родину.

Вот перед нами простой русский солдат, каких были тысячи во всех крымских лазаретах. О своем ранении он рассказывает просто и бесхитростно: «На 5-м бастионе, ваше благородие, как первая бомбировка была: навел пушку, стал отходить, этаким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет». Но подошедшая женщина рассказывает о том, как этот солдат, тяжело раненный, оставался посмотреть на залп наших батарей, как он в лазарете проснулся снова на бастион, чтобы учить молодых солдат. И мы убеждаемся, что перед нами подлинный народный герой, представитель той самой солдатской массы, которая на своих плечах выдержала все ужасы беспрерывных бомбардировок.

Только глубокий всенародный патриотизм мог сотворить такие чудеса храбрости и отваги, мог породить бесчисленное множество подлинных героев, ибо народ дрался «не за город, а за родину». «Наполео, — заключает Толстой свой рассказ,—оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский».

Н. А. Некрасов писал Толстому по поводу одного из севастопольских рассказов: «Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление вашего таланта, и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда, правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этою стороною в вашем даровании. Эта правда в том виде, в каком вносите вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое».

К теме народной войны и защиты родины Толстой неоднократно возвращался в своем художественном творчестве. Гениальным ее воплощением является грандиозная эпопея отечественной войны 1812 года— роман «Война и мир».

С большим мастерством рисует Толстой тот всенародный под'ем, который был вызван борьбой против наполеоновского нашествия. В невиданном единодушии поднялся народ России на защиту родины, против самой крупной армии в Европе армии Наполеона. В этой упорной и самоотверженной борьбе проявились в полной мере национальные черты русского народа — его свободолюбие, преданность родине и ненависть к ее врагам.

С любовью и теплотой показывает Толстой вожаков партизанского движения, вышедших из народных низов и сыгравших огромную роль в сокрушении наполеоновской армии. «Дубина народной войны, — пишет Толстой, —поднялась со всею грозною и величественной силой и, не спрашивая чьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Одним из лучших образов романа является образ полководца Кутузова. Кутузов горячо любим солдатами, он чувствует их тяжелому житью, тысячами нитей связан с армией. Тесными узами связан он и со всем народом, ввероившим ему свою судьбу. И в этом—его великая сила, тайна его полководческого искусства.

Рисуя во всей сложности цельную натуру Кутузова, Толстой одновременно показывает моральное ничтожество русской аристократии во главе с вешеносным невеждой — Александром I.

Многочисленным псевдо-патриотам из среды дворянской аристократии Толстой противопоставил передовых и просто честных людей, в патриотическом долге и в близости к народу черпавших свою моральную силу. Таковы Андрей Болконский, Пьер Безухов, Наташа Ростова. Таковы замечательные своей беззаветной храбростью и патриотизмом русские офицеры Тушин, Долохов, Денисов и др.

Как известно, отношение Толстого к войне было глубоко противоречивым. В изображении и оценке войны, как социального явления, сказалось одно из крупнейших противоречий толстовского творчества, на которые указывал Ленин.

На последнем этапе своей жизни, проповедуя «непротивление злу насилием», Толстой посвятил тему войны и патриотизма ряд статей, проникнутых христианско-пацифистским духом, в которых резко отрицает великую войну независимо от ее исторических целей. Эти статьи являются составной частью его учения, которое «безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова». (Ленин, т. XV, стр. 102).

Однако Толстой художник, писатель глубокой жизненной правды, был всегда шире и глубже своих моралистических схем. И это дало ему возможность правильно улавливать дух народных войн и правдиво показать их в своих художественных произведениях.

Толстой был всегда и оставался до конца дней своих глубоким патриотом своей родины.

И. ШИФМАН.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ „ВОЙНЫ И МИРА"*

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Бородинское сражение выиграно. Так сказалось оно в сознании его участников, так доносил о нем фельдмаршал и так осталось оно в сознании русского народа. Мальчик, учащийся читать, уже знает, что Бородинское сражение есть слава русского оружия и что оно выиграно. Но вслед за Бородинским сражением войска отступили и Москва отдана без нового боя, стало быть оно проиграно.

Охотник выждал минуту, остановился против разбежавшегося на него раз'яренного зверя и ударил в него. Охотник знает, что он нанес смертельный удар врагу, он знает, что он победил его, но раз'яренный зверь, хотя и смертельно пораженный, в своем разбеге еще разлает обессиленного охотника и инстинкт охотника велит ему отбежать назад, ожидая действия своего удара.

Французское нашествие получило этот смертельный удар в Бородинском сражении и нравственное сознание превосходства—главная артерия войны, та, которая нетронутая прошла в борьбе со всей Европой, была перебита, но под влиянием силы импета[1] своего пройденного движения французское войско докатилось до Москвы и там, истекая кровью и зализывая свои раны, почувствовало свою погибель.

Как шар, встретившийся в своем разбеге другой шар, отталкивает его назад, но сам в этом толчке теряет всю свою силу, медленно прокатывается еще малое пространство, чтобы остановиться, так после Бородинского сражения откатилось назад победившее русское войско и шар французского нашествия мог докатиться только до Москвы и там бессильно остановился.

Кутузов и вся русская армия знали, что сражение выиграно в вечер 26-го числа. Кутузов так писал государю. Кутузов приказал готовиться на новый бой, чтобы добить неприятеля, потому что он знал, что враг побежден. Но в тот же вечер и на другой день стали одно за другим приходить известия о потерях неслыханных, о потере половины армии и на другой же день в 10 часов показался опять наступающий неприятель. Еще не собраны были снедения, не убраны раненые, не пополнены снаряды. Из полков сделались батальоны. Генералов не было. Половины людей не было. Надо было отступить на один переход. Кутузов хотел атаковать и вся армия хотела, но это было невозможно и шар должен был отскакиться. В виду неудобства минуты нельзя было не отступить на другой и на третий переход и наконец 1-го сентября армия подошла к Москве и тут вопрос об отступлении представился в новом значении. Войска остановились в позиции под Москвою. Нельзя было думать отдать Москву. Кутузов не верил в это. Когда Ермолов, посланный осмотреть позицию, сказал ему, что под Москвою нельзя драться и надо отступить, Кутузов посмотрел на него молча.

— Дай-ка руку,—сказал он и, повернув ее так, чтобы ощущать его пульс, он сказал:—Ты нездоров, голубчик. Подумай, что ты говоришь.

Никто не хотел отступить в виду Москвы без бою и оставить столицу, но точно также математически верно, на столько должно было отступить после сражения русское войско, на сколько должен отбежать столкнувшийся шар, и предел этот был за Москвою, и русские должны были отступить без боя. Точно так же, как причин для отката шара на известное пространство есть тысячи: и трение, и вращательная сила, и тяготение, и препятствие воздуха и наклонность плоскости и др., точно так же для того, чтобы войска без бои отступили за Москву, было миллион причин разнообразнейшей людской деятельности. Как воля Кутузова относилась, как песчинка к миллионам пудов, причинами отступления за Москву была и овраги, разрезывавшие нашу позицию, и упорство Бенигсена, медлившего защищать Москву (нужно было, чтобы Бенигсен настоял на одном, чтобы фельдмаршал не согласился на это), и убеждения Барклая, одержимого лихорадкой и видящего все поэтому в мрачном свете, и болтовня эмигранта-француза Кросара, приехавшего из Испании и настаивавшего на даче сражения, и известие о том, что в Дрогомиловском предместьи разбили кабаки и войска, отступая и относя раненых, перепьются, и приезд графа Растопчина, сказавшего всем, что он зажжет Москву и миллионы, миллионы причин личных не в одних высших сферах армии, но и в низших слоях ее, которые все совпали к одному: к оставлению Москвы без боя.

Заслуга, великая заслуга Кутузова, и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу, состояла в том, что он своим старческим, созерцательным умом умел видеть необходимость покорности неизбежному ходу дел, умел и любил прислушиваться к отголоску этого общего события и жертвовать своими личными чувствами для общего дела. Несмотря на то, что тайный враг его, Бенигсен, подкапывавшийся под него в Бородинском сражении, выбрав позицию, горячо выставлял свой русский патриотизм (которого не мог не морщась слушать Кутузов), настаивал на защите Москвы, несмотря на то, что Кутузов ясно, как день видел цель Бенигсена, в случае неудачи защиты свалить вину на Кутузова, доведшего войска без сражения до Воробьевых гор, в случае же успеха себе приписать его, в случае же отказа очистить себя в преступлении оставления Москвы,—несмотря на это Кутузов пощупал пульс Ермолова, сказавшего ему, что надо отступить и остановившись на Поклонной горе, собрал генералов, послал их осматривать позицию и прислушивался во всем мнениям.

Несмотря на то, что большинство отсоветывало давать сражение и на то, что в его присутствии Кросар и другие господа спорили и делали планы, как-будто фельдмаршала не было, он не позволил себе составить мнение, а сказал только выслушав все: „Ma tête fut-elle bonne ou mauvaise, n'a qu'à s'en prendre d'elle même"[1] и поехал в Фили. Несмотря на то, что там он узнал от своего ад'ютанта, ездившего в Москву, что кабаки в Дрогомиловской разбиты, что он опытом своим был убежден, что никакие дороги, мосты и укрепления не помогут успеху дела, когда в тылу армии разбитые кабаки, он все еще не позволил себе составить мнение и созвал совет.

Бенигсен, открыв совет, поставил вопрос: оставить Москву без боя или защищать ее.

Кутузов поправил его, он сказал:

— Спасение России в армии. Выгоднее ли рисковать потерею армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву. — Он выслушал все мнения, все руководимые личными соображениями, остановил Бенигсена воспоминанием о Фридланде и, закрывая совет, сказал:

— Je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés[1].

Он взвесил все суждения, все сведения, из которых кабаки в Дрогомиловой были одним из важнейших и несмотря на то, что он в эту ночь не ложился спать, всхлипывая говорил Швейдеру, что он не ждал этого, но что он застанет их есть попадаемое мясо, сжели бог поможет, он сказал то, что должно было быть, отступать без сражения. Кутузов не мог сказать другого. Это должно было быть. Если бы он приказал дать сражение, то точно так же после некоторых споров, колебаний и сомнений было бы то же самое, только роль Кутузова была бы непонятна, его бы участие в общем деле было бы непонятно и его приказание, противное тому, что должно совершиться, произвело бы некоторое затруднение, настолько затруднение, насколько личный произвол одного человека мог препятствовать исполнению дела, зависящего от участия миллионов людских воль, но результат был бы все тот же—Москва была бы оставлена без боя.

Разница была только в том, что сжели бы Кутузов велел дать сражение под Москвою и войска все таки отступили бы, понимание этого события было бы труднее, в особенности для тех, которые причины событий ищут в воле царя и полководцев.

Заслуга Кутузова, как полководца—высшая заслуга, которую может оказать человек в его положении—состояла в том, что он понимал общий, неизбежный ход дел, говорил ему свои личные желания.

* Публикуемый отрывок представляет собою самый ранний набросок II, III и IV глав третьей части III тома «Войны и мира».

[1] Пылкости.

[1] Хороша ли, дурна ли моя голова, а положиться не на кого, как на нее.

[1] Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки.